

К 125-летию со дня рождения
М. А. Булгакова

ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВОЛК

15 мая 2016 года исполняется 125 лет со дня рождения М. А. Булгакова. В этом году можно отметить и полвека со времени публикации романа «Мастер и Маргарита» (журнал «Москва», 1966, № 1; 1967, № 1).

Редакция журнала «Нева» предложила участникам виртуального круглого стола ответить на несколько вопросов.

1. Интересен ли Вам, важен ли для Вас писатель Михаил Булгаков? Есть ли произведения, которые Вы можете поставить на личную золотую полку?

2. Булгаков пережил сложную историю отношений с властью (в том числе высшей), цензурой, собратьями-писателями, театром. Можно ли увидеть в этих сюжетах уроки для современных авторов, или они — лишь факты нашей культурной истории?

3. Многие произведения Булгакова были опубликованы через десятилетия после их создания. Как сказался этот факт на восприятии его творчества и на истории русской литературы?

4. В рейтингах книгопродаж и в социологических опросах роман «Мастер и Маргарита» с большим отрывом опережает другие романы, написанные на русском языке в XX веке. В то же время его называют и самым переоцененным произведением русской литературы прошлого века. Какая позиция Вам ближе?

5. Какую роль сыграл «роман Мастера-евангелиста» в нашей культуре? «„Мастер и Маргарита“: за Христа или против?» (так называлась полемическая брошюра дьякона А. Кураева).

6. Как Вы оцениваете отечественные экранизации произведений М. А. Булгакова?

7. Есть ли/была ли булгаковская традиция в нашей литературе? Хотя бы в форме «Булгакова для бедных»?

Сергей Арно, писатель (Санкт-Петербург)

1. Мне Булгаков интересен и сейчас, роман «Мастер и Маргарита» стоит на моей книжной полке на видном месте.

2. Не думаю, что конфликт Булгакова с властью и коллегами может научить чему-то современных авторов. Современные отношения стали иными.

3. На истории русской литературы бесспорно — положительно. Издание романа после смерти автора сослужило хорошую службу роману и его дальнейшему продвижению. Но плохую для самих писателей как подтверждение рожденной в КГБ идеи о том, что их произведения обязательно найдут своих читателей после их смерти, а не при жизни.

4. Трудно спорить с тем, что он заслуженно самый продаваемый роман. Только к нему я бы прибавил еще два десятка незаслуженно плохо продаваемых романов, в том числе современных писателей.

5. В отличие от самого автора, роману во всем сопутствовала удача. Он появился во время запрета на религию. Тогда достать Библию было делом чрезвычайно непростым. Это был запретный плод, который привлекал многих. На какое-то время книга «Мастер и Маргарита» становится подменой Библии. Я собственными ушами слышал, как какой-то священник с экрана телевизора рекомендовал читать «Мастера и Маргариту», чтобы приобщиться к христианским ценностям. Хотя в любом учебнике инквизиции, например «Молоте ведьм», ясно говорится о неприемлемости многих деталей в романе, таких, как мазь, которой пользовалась Маргарита для полетов, производимой из тел некрещеных младенцев, и многого другого.

6. «Собачье сердце» и «Бег», по-моему, получились. Все остальные экранизации можно отнести к неудачам, как к большим, так и маленьким.

7. Мне не встречалось откровенного подражательства, хотя многие из фантастов обращаются к булгаковским мотивам.

Ирина Белобровцева, доктор филологических наук (Таллин)

1. Я бы поставила на такую полку многое написанное Михаилом Булгаковым: рассказы «Псалом» и «Красная корона», цикл рассказов «Записки юного врача» (не обязательно целиком) и примкнувший к ним «Морфий». Там стояли бы повесть «Собачье сердце», и «Записки на манжетах», и все романы («Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Записки покойника» и «Мастер и Маргарита»), и пьесы: «Зойкина квартира», «Бег», «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич» (в панда), «Мольер», «Александр Пушкин».

2. Этот вопрос касается уже не творчества, а личности Михаила Булгакова. Несмотря на ясное профессиональное понимание того, что не стоит напрямую соотносить творчество и личность и делать глубокомысленные выводы, я отважусь сказать, что вопрос «делать жизнь с кого» в применении к Булгакову и «современным авторам» не стоит. Не хочу никого обижать, но Булгаков был уникален в своем творческом поведении, в своем литературном (и театральном) быту, даже в выборе друзей — в основном не среди литераторов, а из числа художников, актеров, композиторов и т. д. Многие современные писатели в сравнении с ним заслуживают известной характеристики из Книги пророка Даниила: «ты взвешен на весах и найден очень легким».

3. Судя по цитируемости (зачастую и неточному) «Мастера и Маргариты» (первая, изобиловавшая купюрами публикация состоялась через 26 лет после смерти автора) и «Собачьего сердца» (первая публикация на родине автора — через 47 лет), творчество Булгакова оказалось востребованным (добавим сюда инсценировки его прозы, постановки пьес, фильмы, снятые на основе его произведений). Как это сказало на истории русской литературы? А как это должно было сказаться? Прискорбно, что вся его проза после 1927 года лежала втуне до 1962 года, когда усилиями Вениамина Каверина была издана биография Мольера. Сегодня русскую литературу без Булгакова не представить.

4. Было бы странно, если бы я, один из двух авторов (вместе с С. К. Кульяс) почти 500-страничного «Комментария к роману „Мастер и Маргарита“», сочла бы его переоцененным произведением. Написанное сегодня об этом романе, пожалуй, в тысячи раз превышает его объем. Как только его не называли, начиная от самого Булгакова, который не однажды определял его как фантастический роман. Мениппея, роман-притча, роман-парабола, роман-пассион, роман-миф, философский роман... Всего и не перечислишь. Но «Мастер и Маргарита» существует поверх любых определений. Я бы назвала его роман-свиток. Есть такие произведения,

которые рассчитаны «на предъявителя» (определение Т. В. Цивьян): то есть с чем большим потенциалом ты к нему придешь (с какой мерой образованности, эмоциональности, готовности к восприятию, заинтересованности, когнитивных способностей и т. д. и т. п.), тем больше ты от романа и получишь. Поэтому есть, конечно, те, кто и в 40 лет на вопрос о любимом персонаже (тоже тот еще вопросик!) продолжают отвечать: «Кот Бегемот», а есть и вполне серьезные исследователи, которые отдают дань оригинальной картине мира, двойственной природе любого элемента текста, богатству и сложному переплетению использованных писателем культурно-исторических кодов. И тогда к чему снобизм: вот, смотрите, камлания на Патриарших... Ну, правильно: кому — роман, кому камлания.

5. Говорящие и пишущие о романе как «Евангелии от Дьявола», а потому не принимающие его вообще, не редкость. Им хочется видеть мир двухцветным, черно-белым. Наверное, поэтому они не заметили такой «частности», как подлинный конец романа, написанного мастером. Хочу напомнить, что роман мастера не заканчивается ни встречей Понтия Пилата с Левием Матвеем, ни сном прокуратора. Его подлинный конец отнесен Булгаковым в 32-ю (последнюю) главу «Мастера и Маргариты», где выясняется, что роман не завершен и мастеру предлагается окончить его одним словом, отпустить Пилата к тому, кого он так жаждет видеть, к Иешуа. «Свободен!» — кричит мастер. Перед нами формула христианского прощения, без которого роману мастера не быть, — нужно ли еще дольше рассуждать об этом?

6. По-моему, отношение Булгакова к театру, его «театральный роман», длившийся последние 15 лет его жизни, его «театральная кровь» сыграли свою роль: кинорежиссеры подбирали в свои фильмы блистательные актерские ансамбли. Я имею в виду «Бег», «Собачье сердце», «Иван Васильевич меняет профессию» — наверное, это и есть три фильма, собравшие, как представляется, самую большую аудиторию. Особняком стоит прекрасный телеспектакль Анатолия Эфроса «Всего несколько слов в защиту господина де Мольера», успех которого также зиждился на прекрасных актерах. Меня оставили равнодушной оба сериала по роману «Мастер и Маргарита», наверное, потому, что брать и просто переносить текст романа на экран — еще не значит сделать фильм. Да и текст не всегда присутствует в этих фильмах без ущерба для оригинала (вспомнить хотя бы подаренный Пилатом перстень, который выбрасывает/как бы случайно роняет на ступеньки лестницы Афраний, — деталь, заимствованная из телефильма Анджея Вайды «Пилат и другие», а Вайдой привлеченная, скорее всего, на основе нескольких литературоведческих статей, почему-то объявляющих Афрания тайным учеником Иешуа). Я думаю, что и сам Булгаков был бы против такого прямого, пресного переноса на экран своих текстов, ему чего-то да не хватало бы в таких фильмах. Возможно, воздуха? кинематографического пространства? воссоздания звуков времени? Если говорить об этом, то для меня наиболее интересной среди российских экранизаций произведений Михаила Булгакова стал фильм «Морфий» Алексея Балабанова.

7. О да, «для бедных» — сколько угодно, начиная от странных «продолжений», например, сразу двух, изданных в Твери, астрального романа, романа-комикса и даже якобы документальных записок НКВД СССР и ЦК ВКП(б) о ходе следствия по делу иностранных гипнотизеров, увидевших свет аж в 2012 году. Многие, очевидно, помнят и «Плаху» Чингиза Айтматова, вполне подходящую под эту же категорию, и за чем-то решивших попробовать себя в изображении Булгакова А. и Б. Стругацких с их романом «Хромая судьба». Влияние Булгакова ощутимо в «Затоваренной бочкотаре» Василия Аксенова, написанной вскоре после первой публикации «Мастера и Маргариты». Немало критиков связывали с этой традицией и «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса, роман, изданный в июне 1967 года.

**Надежда Дождикова,
кандидат филологических наук (Санкт-Петербург)**

1. Интересен не только тем, что в его творчестве о «вечном», но и тем, что о «временном». Его произведения заставляют разбираться в некоторых проблемах времени своего создания, проблемах, которые сейчас забыты или не кажутся важными. Это о «Мастере и Маргарите». Впрочем, иногда они вновь приобретают жгучую актуальность. Это о «Белой гвардии».

2. Факты нашей культурной истории свидетельствуют скорее о том, что чужие примеры ничему не учат. Отношения же современных авторов с высшей властью, как представляется, стали еще запутаннее.

3. Так получилось, что некоторые произведения Булгакова были впервые опубликованы в эпохи разрывов с прошлым, более или менее жесткой его переоценки. Это во многом определило их восприятие. Так, например, «Мастер и Маргарита», появившись в печати в годы десталинизации, был прочитан главным образом в предложенном времени ключе — как роман о трагической судьбе художника в тоталитарном государстве. Конечно, это одна из важных тем романа, органично связанная с русской литературной традицией. Но «Мастер и Маргарита» — не только роман о судьбе мастера (и Маргариты), это и роман о романе мастера. Представляется, что эта тема не менее важна, чем тема отношений художника и власти, тем более что роман мастера определил не только земную судьбу своего автора, но и его посмертную участь (покой, но не свет). Эта тема романа как-то отодвинута на задний план в современном восприятии.

4. Когда-то роману не повезло с тем, что он не был вовремя опубликован. В наше время ему не повезло с его чрезмерной популярностью. Так получилось, что именно «Мастер и Маргарита» откликнулся на ту неистребимую потребность в мистическом, которая существует у читателей даже в эпохи торжества научного материализма (может быть, особенно в такие эпохи). Роман довольно рано стал объектом мистико-конспирологических интерпретаций, вычитывания из него — или вчитывания — различных эзотерических смыслов. Мне кажется, что именно это породило те чувства усталости, раздражения и некоторого разочарования, которые сегодня у многих вызывает этот роман. В конце концов, часто так называемые «культовые» тексты вызывают со временем ощущение их переоцененности. Мне кажется, что роман все еще недочитан и в этой связи недооценен.

5. Вряд ли здесь можно ответить однозначно. С богословской точки зрения он не выдерживает критики, да и просто у практикующих христиан вызывает смущение или недоумение. Но ведь есть и те, кого «роман мастера» побудил взглянуть в Евангелие, заинтересоваться христианством и в конце концов прийти ко Христу. Или те, кто писал на стене московского музея Булгакова: «Иешуа, прости нас». Может быть, не стоит оценивать «роман мастера» с позиции «за или против Христа» (такая жесткость понятна в полемической работе), а попытаться увидеть его под углом зрения «проблемы Христа» (термин либерального богословия начала XX века), попыткой решения которой и был в свое время сам роман «Мастер и Маргарита».

6. Думаю, что самой удачной была экранизация «Собачьего сердца» режиссером В. Бортко. И, может быть, те эпизоды из его же сериала «Мастер и Маргарита», которые воссоздают быт и атмосферу эпохи.

7. К сожалению (или нет?), сам Булгаков, особенно его последний роман, став феноменом массовой литературы, становится «Булгаковым для бедных».

Владимир Елистратов, доктор культурологии (Москва)

1. Для меня Булгаков чрезвычайно важен и дорог. Но далеко не весь. Я готов до бесконечности перечитывать «Собачье сердце», «Театральный роман», некоторые (но не все) главы из «Мастера и Маргариты», «Роковые яйца», «Дни Турбиных» (но не «Белую гвардию»). Для меня Булгаков — это прежде всего язык, стиль. Ранний Булгаков — это во многом дань так называемой метельной прозе, эксперименту (ср.: Пильняк, Вс. Иванов и т. д.). А Булгаков зрелый — это феноменальная изысканность, выверенность, мера, «золотое сечение». Это как бы синтез Гоголя и Пушкина. Юмор, ирония у него архиаристократичны. Причем это не уайльдовское эстетство и не зоценковское псевдопросторечие. Это чистая органика. Аналогов нет. Разве что столь любимый им Мольер.

2. Булгаков был убежденный монархист. Не столько в политическом смысле, сколько в онтологическом. И монотеистом — в том же смысле. В принципе монотеизм и монархизм — это одно и то же. Мир держится на Личности. Мне кажется, что он ощущал и Бога, и царя (= генсека) Личностью. Миром правит Личность — в виде вождя ли, дьявола ли, ученого ли, делающего операцию на гипофизе, Мастера ли... Булгаков хотел порядка, то есть Космоса, а не Хаоса. А Космос личностен. Поэтому Мышлаевский перейдет на сторону красных, которые способны навести порядок. Поэтому именно Дьявол восстанавливает справедливость, а не Левий Матвей. Поэтому получается такой вот «роман» Булгакова со Сталиным. Отсюда же все его конфликты. И не стоит, кстати, столь уж драматизировать его жизнь. Он был достаточно успешен, переменен, но успешен. Ходил же Сталин на «Дни Турбиных» много раз. Конечно, писателя надломила история с «Батумом». А если бы «Батум» был поставлен?.. Современные же авторы (не все, конечно) «заигрывают» с деньгами, а не с генсеками. Опять же — онтологически это схоже. Тогда было: как бы получить Сталинскую премию? Сейчас: как бы грамотно вписаться в «премиальные поля»? Тогда было страшно (как говорится, «сердце поет — очко играет»), сейчас — скучно. Но извлечь урок из жизни такой Личности, как Булгаков, всегда можно и нужно.

3. То, что многие его произведения были опубликованы после смерти — это было мучительно для Булгакова, но, думаю, полезно для литературы. Булгаков стал «бомбой замедленного действия». Или так: он стал выдержанным дорогим вином. Он буквально оглушил многих. Здесь была и обратная сторона медали: он «убил» многих начинающих писателей, примерно как Бродский или Хемингуэй. Сколько людей стали писать «под Булгакова» и этим убили свою индивидуальность? Я помню, как на филфаке даже уже в 80-е все писали прозу или «под старика Хэма», или под «в белом плаще с кровавым подбоем...».

4. Думаю, обе позиции верны. С моей точки зрения, ну, скажем, 30–40 % текста романа — это бесспорная вершина литературы XX века. Например, первая глава. Вся — от первой до последней буквы. Это завораживающий, магический текст. Меньше всего я бы отнес к такой же вершине очень многие «ершалаимские главы», многие главы, посвященные отношениям Мастера и Маргариты. Да, девицы млеют. Но они много от чего млеют. Кроме того: много ли было написано столь «провокативных» евангельских апокрифов в XX веке, да еще на таком высочайшем уровне? Андреевский «Иуда Искариот» явно не тянет. «Мастер...» не то чтобы переоценен. Просто он стал «слишком культовым». Извините за вольное сравнение: это примерно как «Битлз». Очень хорошая группа (не хуже «Песняров»...), но «зачем же стулья ломать?..» Булгаков — литбренд. А бренд — это всегда «переоценка».

5. «За Христа или против» — это вопрос для ток-шоу. Или для ЕГЭ. Чисто тестовое мышление: найдите правильный ответ. А. Кураев на то и дьякон, что-бы писать такую брошюру. Он ставит диагноз тексту с точки зрения клерикальной. А Булгаков — не дьякон. Он светский писатель и дает свое понимание канонического текста. Я всегда думал, что булгаковская история Иешуа, в общем-то, не о реальном Иисусе. Булгаков не говорит: вот как это было на самом деле. Он берет евангельский сюжет (а почему нельзя его брать?!) и пишет о добре и зле, о фанатизме и истинной вере, о смелости и о трусости и т. д. и т. п. А то его можно принять за какого-то «Шарли Эбдо», который намеренно «оскорбляет чувства верующих». Бог един, но у каждого он свой, глубоко интимный, личностный. И у Булгакова своя вера. Он не «против Христа», он за своего «интимного» Христа.

6. Я смотрел только экранизацию Бортко. Что-то очень хорошо, что-то похуже. Но многие актеры — прекрасны, и в целом — фильм очень хороший, на мой взгляд. Хотя к экранизациям я отношусь сложно. Они убивают фантазию. Теперь у всех Воланд носит фамилию Басилашвили. Обидно. (Хотя Басилашвили в роли Воланда замечателен.) Но ничего уже не поделаешь. Кстати, в театре мне «Мастер...» категорически не нравится, ни на Таганке, ни в Ленкоме... Не говорю: плохо. Говорю: не нравится, не мое.

7. А можно продолжать «традиции Платонова»? Или Зощенко? Или того же Бродского? Я знаю одну тетю, которая сейчас увлеченно пишет роман о том, как дьявол прилетел в Париж. Это «продолжать традиции»? Можно мастерски подражать Булгакову стилистически. Это — «продолжение»? Есть, скажем, «Альтист Данилов». Так сказать, «фантастический реализм». Это, говорят, «продолжение». Не знаю. «Традиция» — сложная, многомерная субстанция. По-хорошему: продолжать традиции — это просто очень-очень стараться очень-очень хорошо писать. А уж потом критики и литературоведы (к твоему глубокому удивлению) авторитетно укажут, чью традицию ты, оказывается, «продолжал».

Владимир Звизняцкий, доктор филологических наук (Киев)

1. Первый и последний романы Михаила Булгакова прочно установлены на моей «личной золотой полке», они не сдвигаемы и не убираемы. А все потому, что в моей ранней юности эти романы (ну еще и пьеса-спутник «Дни Турбиных») помогли мне ответить на единственный жизненно важный (для меня, по крайней мере) вопрос: как можно (и можно ли) остаться честным частным человеком?

2. Чем более авторитарные режимы будут устанавливаться в тех или иных странах мира, тем больше уроков и для современных, и для будущих свободных художников (а я верю, что такие и есть, и будут на всех континентах и при любых режимах) сможет предложить Булгаков. Например, уроков-книг: о том, как, в видении художника, складывались отношения с разными «королями-солнцами» именно у тех людей, которые «солнцем святым» называли нечто принципиально иное, а то и вообще могли бы преспокойно обойтись светом керосиновой лампы, да еще и прикрытой зеленым абажуром, — а вот поди ж ты... С уроками, взятыми «прямо» из биографии, все не так однозначно (хотя бы потому, что «факты» мы видим сквозь двойное мутное стекло истории и историографии). Но даже в этом очевидны и достижения, и ошибки во взаимоотношениях художника с властью — а и те и другие поучительны.

3. Как известно, история русской литературы после 1917 года растеклась на два рукава, и если в 20-е годы публикуемое в эмиграции еще могло оказывать влияние на творимое в СССР и обратно, то дальше, вплоть до начала периода посмертной

публикации булгаковских текстов, такого влияния ни в ту, ни в другую сторону практически быть не могло. Если допустить на минуту, что «Мастер и Маргарита» был бы в 30-е годы напечатан в эмиграции, то влияния на здешнюю, советскую литературу он оказал бы не более «Дара» или «Истребления тиранов», то есть никакого. Прекрасен, но, к сожалению, далек от реализма образ «поэта из народа» Ивана Бездомного, которого истинный мастер литературы учит не писать (как задумывали создатели единственного в мире Литинститута), а наоборот — больше никогда в жизни **не** писать:

- Не пишите больше! — попросил пришедший умоляюще.
- Обещаю и клянусь! — торжественно произнес Иван.

И ему безусловно верит не только его учитель, но и читатель — даже хорошо знакомый с историей советской литературы. Такова уж сила булгаковского **нереализма**.

В общем же и целом «потеря» Булгакова для истории русской литературы облегчается тем, что он по самой своей природе — не зачинатель, а завершитель традиции. Где, например, у Булгакова «народ»? А это почти (!) бессмертный чеховский Фирс: Иона в «Ханском огне», Максим в «Днях Турбиных». «Народ» — он сторож, охранитель: чуждый высокой культуры (если культуру рассматривать как рабочую систему ценностей), он ее хранит как привычную, от мифического Золотого века завещанную и «непостижную уму» святыню, в чем бы она ни выражалась: в великолепном княжеском дворце или в мертвых останках лучшей, элитной городской гимназии. И это не о красных и не о петлюровцах, а о белых и пушистых юнкерах сторож Максим говорит: «Татары, прямо татары...» — и затем, по ремарке, «исчезает», на сей раз уже навсегда.

«Белая гвардия» от заголовка до последней точки свидетельствует о том, кто для Булгакова «свой». Но эти «свой» на собственном тяжелом опыте приходят не более и не менее чем к известному афоризму, произнесенному Сэмюэлем Джонсоном в лондонском Литературном клубе 7 апреля 1775 года: «Патриотизм есть последнее прибежище негодяев». А у честного частного человека с негодьями, у которых не сложилась своя частная жизнь, что может быть общего? «И вот я, кадровый офицер Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетелями капитаны Студзинский и Мышлаевский, я на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю, предупреждаю и, любя вас, посылаю домой».

И уже неважно — ни для восприятия Булгакова, ни для нашего самоощущения в контексте как всемирной истории, так и истории мировой литературы — кому именно белые в конце концов проиграли. Вот век прошел, бронзовый красный командир Щорс на бульваре Шевченко в Киеве, привстав на стременах боевого коня, неумоимо машет в воздухе правой рукой невидимому войску: «Айда все на улицу Петлюры!» (она прямо от подножия Щорса начинается) — и почти (!) никого это не смущает. История сослагательного наклонения не знает, но и запретительных знаков не расставляет, так что никто не мешает нам представить чуть большую (хоть такую, как теперь) заинтересованность стран Антанты в Украинской Народной Республике («петлюровцах»), за которой в таком случае легко осталось бы последнее слово на Украине. И доктор Булгаков, никуда не уезжая из своего любимого Киева, сохранил бы не только обширную практику венеролога, но и возможность стать русскоязычным литератором в «мелкобуржуазной», «националистической» и, конечно, демократической Украине. Он, несомненно, и как писатель пользовался бы успехом у киевлян и жителей других городов — ну а в качестве «отрицательных примеров» Гражданской войны изображал бы не петлюровцев (сволочь

Лещенко в рассказе «Я убил»), а большевиков, равно ему чуждых и противных (Швондер и проч.).

Но если «равно» — зачем тогда вообще об этом писать? На это отвечу так: не всем нереалистам дана счастливая способность фантазировать жизнеподобные события в абстрактном порту Зурбаган. Не будучи Александром Грином, Михаил Булгаков не был, однако, и политическим писателем, как не был политическим писателем в его время, например, Лион Фейхтвангер. Однако прирожденный либерализм — в самом широком смысле этого слова — и Булгакова, подобно Фейхтвангеру (например, в «Успехе» — еще одной книге с моей «золотой полки»), заставляет упрямо искать тех, кто вопреки безумному давлению коллективизма сохраняет способность иметь и развивать собственные ценности.

3. А вот то, что ныне в рейтингах книгопродаж и в социологических опросах «Мастер и Маргарита» с большим отрывом опережает другие романы, написанные на русском языке в XX веке, — так в этом школьная программа виновата! У нас на Украине точно опережает, так как входит в обязательную программу и школ с русским, и школ с украинским языком обучения. Переоцениваем или же, наоборот, недооцениваем мы Булгакова, включая его в школьную программу, — покажет время.

4. Каюсь, не читал полемическую брошюру дьякона А. Кураева «„Мастер и Маргарита“: за Христа или против?» (хоть в скобках скажу, что недавно с удовольствием прочел другую работу этого автора о литературе: «„Гарри Поттер“ в церкви: между анафемой и улыбкой»). А нет у меня потребности читать на эту тему по той простой причине, что я ни за что не стану всерьез рассматривать Булгакова как даже возможного оппонента или же апологета Иисуса Христа. Писатель волен избрать себе любой предмет («Таков поэт: как Аквилон, что хочет, то и носит он...» и т. д.), а читатель — не читать или бросить читать, если не нравится. Между прочим, именно так и поступает большинство школьников, коим вменяется в обязанность этот роман читать. Забавно, что «христианская» общественность, поднявшая бучу по поводу популярности в детском и подростковом чтении «Гарри Поттера» (так что даже вышеупомянутый дьякон вынужден был вступить за нашу современницу Дж.-К. Роулинг), никогда всерьез не оспаривала правомерности включения в школьные программы, в качестве классики, «Мастера и Маргариты». Или мудрая общественность помнит старый советский принцип: «Хочешь убить книжку — включи ее в школьную программу?»

5. Моя любимая экранизация — «Дни Турбиных» В. Басова. Интеллигентность и, как ни странно, аполитичность этого советского телефильма (хоть если вдуматься — то и ничего странного...) выгодно отличает его от недавней чудовищной попытки поставить «Белую гвардию». Вот вроде бы и в Киеве люди снимали, а ничего о нас, киевлянах, не поняли. Ни доктора Турбина не поняли, ни доктора Яшвина (рассказ «Я убил»), которому после семи лет в Москве «мучительно» хочется «опять увидеть обрывы, занесенные снегом, Днепр... Нет красивее города на свете, чем Киев... Грозный город, грозные времена... и видал я страшные вещи, которых вы, москвичи, не видали». И вот приехали москвичи кино снимать — и так и не увидели ни красивого, ни страшного. В лучшем случае перепутали страшное с красивым, в худшем — не уразумели даже, о чем идет речь.

6. Булгаковская традиция — это киевская традиция, это Виктор Платонович Некрасов, который помог нам увидеть Дом Турбиных: как материальный (первым показал и доказал, какой именно из домов на Андреевском спуске — тот самый), так и душевный (место помог в наших душах расчистить для этого Дома). Дело же не в «тематике и проблематике», не в «мистике и фантастике» (хотя не подумайте ли в этой связи о киевлянах Марине и Сергее Дяченко?). Ну, можно ли представить,

например, «современного Бабеля» (хоть «для бедных», хоть «для богатых») не одеситом? Кто может претендовать на роль «современного Бабеля», кроме Михаила Михайловича Жванецкого? Так что и претендента на роль «современного Булгакова» следует ожидать из Киева. Ждем-с.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Я прочитала, пожалуй, всего опубликованного у нас в России Булгакова. Как любой крупный, неординарный художник, он важен для меня. Даже если я в чем-то с ним спорю, не соглашаюсь. Во времена нашего детства-юности «Мастер и Маргарита», напечатанный в журнале «Москва», явился открытыми воротами туда, куда не только ходить — заглядывать было запрещено; поэтому это пространство манило, тянуло как магнитом, оно пришло как потрясение — и наших школьных краснзнаменных основ, и мира собственной души, в которой, оказывается, уживались (а подчас и яростно боролись) Бог и дьявол.

Скажут: но у Федора Достоевского эта борьба куда более явна! и трагична! и высоко, непревзойденно написана! Однако иные времена — иные стилистические нравы. Я представляю — теперь уже представляю, когда опубликованы не только черновики и варианты романа, но и рассказы обо всех перипетиях его замысла, создания и многократной переделки, — чего стоило Михаилу Афанасьевичу не просто написать — отстоять эту вещь: просто даже в борьбе с собственной душой. Сакраментальная фраза «*рукописи не горят*» — не просто красиво изобретенная формула. Вспомним, сколько раз Булгаков сжигал черновики романа.

Разве за это одно, за все эти борения и одоления, за тему общения человека, Бога и сатаны, на которую автор замахнулся, нельзя его уважать? Я понимаю важность этого поступка художника. Но я понимаю и меру ответственности и опасности — нравственной, философской, исторической, — по краю которой Булгаков ходил все годы своей жизни, когда писал роман, и ходит и сейчас — в мире ином, — наблюдая, как люди русской культуры на фоне этого текста скрещивают бесконечные копья.

Вспоминаю, как мой дед, литературовед и пушкинист Михаил Павлович Еремин, вертя в руках журнал «Москва» с булгаковским «Мастером...», тяжело вздыхал и тяжело, медленно говорил: «Миласечка, ты понимаешь... все равно он — легковесен. А вот Лев Толстой — тяжел. Толстой — тяжело, много весит. Слово — много весит. А тут... ну порхает, все порхает, как мотылек...»

Сейчас думаю: у каждого автора — свой воздух, свое дыхание и свой вес слова. Кредо, душа, лейтмотив Булгакова — полет. Помните финальный полет Мастера, Маргариты, Воланда и свиты на стремительных потусторонних конях? Речь Булгакова льется, течет, но чаще всего — летит. Ее стихия — воздух. Потому и впечатление птичьей, крылатой «легкости». Хотя чтение, например, «Белой гвардии» — это ворочанье таких трагических гирь времени, бинтование его ран. Какая уж тут легкость.

А крылья ему ведь обрезали все время. А он был на виду. Птица крупная, сильная, орел с подрезанными крыльями. Хотел лететь! И «Мастера...» задумал, чтобы своим личным полетом — все обнять, охватить: историю и веру, религию и безверие, людские пороки и людскую высоту, свое время и вечность, Божью милость — и хитроумность сатаны, что прячется за показным его, роскошным благородством.

На моей золотой полке давно стоят «Белая гвардия» и «Собачье сердце», «Записки юного врача» и, понятно, «Мастер...». В юности прочитала «Жизнь господина де Мольера». Это была одна из книг, что захлестнула меня не хуже волны. А «Белая гвардия» — в какой-то степени — я только о своем восприятии говорю — недостижимый шедевр. Может, лучшая булгаковская вещь.

2. Все и всегда есть урок для всех и всегда. Однако понять и усвоить исторический урок — не значит спастись от собственных ошибок и соблазнов и от карающего меча (точнее, топора) своего времени. Всякое время готовит для своих жителей свои плахи.

Видимо, Михаил Афанасьевич должен был сказать спасибо Сталину за то, что Сталин не отправил его в Чердынь, как Мандельштама, не расстрелял, как Николая Гумилева, не всунул ему голову в петлю, как Есенину, и не вложил в ладонь револьвер, как Маяковскому. Низко поклониться и сказать: спасибо, Иосиф Виссарионович, вы только запретили мне печататься и ставить мои пьесы, а потом все-таки хоть пьесы разрешили, правда, с разгромными рецензиями на премьеры и постановки, и на том спасибо. Вы оставили мне жизнь.

...Сталин оставил Булгакову жизнь, чтобы он мог написать «Мастера...» — книгу, которую сам мастер считал своим реквиемом и лебединой песней. Он это хорошо понимал, поэтому стремился сделать ее не мозаично-пестрой, а цельной, на одном дыхании, на одной важной музыке. Что для человека может быть важнее Бога? Свободы? Любви?

Сатана у Булгакова вроде бы всемогущ. Это послужило мишенью для нападок на роман глубоко религиозных и воцерковленных людей. Им бы еще и еще раз перечитать эпиграф к роману — из Гёте: *«Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»*. Но Боже, ведь сколько же можно оправданий подставить под эту фразу — вплоть до оправдания Освенцима и Майданека! Тут не получится рассуждать так: вот зарезать человека — плохо, а если хирург режет человека ножом — он спасает. Нет у каждого своей правды! Она, к счастью, одна, и она — Божья. И ведь сатана, как бы он ни рвался и ни метался, он-то тоже — под Богом. «Все под Богом ходим», в том числе и мессир Воланд. Да, владетельный, да, всемогущий! Но ведь не он, а Господь придет на Страшный суд. Нельзя свету и тьме примириться. Но без осознания тьмы мы бы не осознали, не поняли свет. Мир дуален, и это величайший признак мира, признак бытия.

А поэт и власть, поэт и царь, художник и диктатор — какая вечная тема, вечная дилемма! Но, кстати, без нее, без этой подчас неравной схватки, часто и художника нет. Вот Иаков боролся с Богом. *«Так Ангел Ветхого завета / Нашел соперника под стать...»* А художник ведь часто борется отнюдь не с заместителем Бога на земле, не с сакральной властью — с кровавым тираном, с пошлым деспотом, с откровенным преступником. Одолеет, понятно, сильнейший. Но сильнейший на тот момент. Времена проходят и ставят все на свои места.

3. Произведение — оно и есть произведение. Оно — если настоящее — на все времена. Когда бы его ни отыскивали. Вот Иоганн Себастьян Бах. Он работал кантором церкви Св. Фомы в Лейпциге, исполнял в храме свою церковную музыку, импровизировал на органе. Много писал. Одна жена, вторая. Оброс огромным семейством. Умер. И почти через сто лет после смерти Баха Мендельсон нашел в архивах его «Страсти по Матфею». А потом и «Высокую мессу» си-минор. И все это исполнили музыканты, и мир открыл гения Себастьяна Баха. А портреты Григория Островского, которые нашли в Солигаличе? А бедная Марина Ивановна, которая — *«моим стихам, как драгоценным винам...»* — а эти «драгоценные вина» не только никому не были нужны в ее время — их гнали, их уничтожали, в них плевали?

Никто и никогда не сможет помешать истинному художнику добраться до людей: если не до своих современников — то до потомков. Что греха таить, те из нас, кто не знаменит, не известен, работают, втайне думая о благодарных потомках, утешаясь этим. Но. Время не всегда милостиво, часто и жестоко. Оно съедает, и уничтожает,

и стирает с лица земли; кто нам вернет огромную цветаевскую поэму о последней царской семье, что сторела при бомбардировке Амстердама?

Но и даже не в «благодарных потомках» дело. Для художника всегда его дело — это только его дело, и никого другого. Как та же Марина Ивановна говорила: *«Для потомства? Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Поэтому и должна»*.

Мне скажут: но ведь времена меняются, и меняется быт, и меняются скорости, и меняется восприятие! Кому сейчас, спросят, нужны картины голодного Киева 1918 года? Кому нужно читать о судьбе человека с мозгом собаки? Кому нужна повесть о безумном гениальном Мастере, задумавшем опять же никому не нужный роман о Понтии Пилате?

Все нужно. И есть, и будет. Повторю: если это написано талантливо, гениально.

Читая ту первую, журнальную публикацию «Мастера...», мы все прекрасно понимали: вот он, художник. Он — осмелился. Он — посмел. Сын священника — посмел написать о сатане! Впрочем, так оно ведь и должно было быть. Именно так. Ведь церковный художник, богомаз, фресковик, пишет борьбу архангела Михаила с сатаной, пишет Люцифера, пишет Страшный суд, да любую тему, где фигурирует сатана.

4. Думаю так: он читаем потому, что интересен. В слово «интересный» я вкладываю три смысла-слоя. Первый слой — интересная тема, вечная тема: Бог, дьявол, человек. Да еще дьявол не умозрительный, а живой; и Бог — живой; а человек — безумный, а пограничные состояния психики всегда интересны человеку «нормальному».

Второй слой интересности — то, как это написано. Как это сделано. А сделано это необычно. Хотя жанрово «Мастер...» — это экзотическое сочетание классического авантюрного романа, классической мистики и классической сатиры. Сатириком Булгаков был непревзойденным. А в Советской России тех времен ему было над чем посмеяться, и во весь голос, и с тихой, скрытой болью усмехнуться. Авантюра всегда у публики беспроегрешна, мистика — ну о чем тут речь, сатира — сатирики и талантливые комики собирают огромные залы. Это сочетание традиционных жанров, поданное в необычном ансамбле — безошибочный успех.

И пусть мне скажут, что автор пришел к этому интуитивно! Не поверю. Он был слишком умен для того, чтобы не продумывать такие вещи. Он знал цену слов, и цену их подачи; и цену их интерпретации. И не забудем: он был театральным человеком. «Мастер...» — это гениальный театр прежде всего. Театр трагический, лирический, гротесковый, какой угодно. С потрясающими и внешними, и внутренними контрастами.

Третий слой... А вот третий слой — это те вечные вопросы, над которыми человечество раздумывает уже века, если не тысячелетия. В чем Бог и божественное? Так ли злобно и преступно зло? Не есть ли оно тот самый «вселенский хирург», о котором у нас уже шла речь? Где ошибся Иешуа и ошибся ли? А Понтий Пилат — он несчастный, страдающий гемикранией прокуратор Иудеи, или палач Христа, или тот, кто должен был послать его на смерть — исторически должен, так же, как Иуда должен был Его исторически предать? И все детерминировано, все определено и predetermined? И все это называется коротким словом СУДЬБА?

«Мастер...» — такой вот трехслойный «пирог». Скажите, какой публике он будет не по нраву? Да любой. «Мастера...» читают и простые швей-мотористки, и школьные учителя, и врачи, и грузчики. Я знала одного васильсурского рыбака, он летом жил на пристани; «Мастер...» был у него настольной книгой, и он читал его ночами (чуть не сказала при свече) — при фонаре, при свете карманного фонарика. И он, простой деревенский рыбак, мог часами говорить о тексте романа, что-то в нем ценное выискивать, с чем-то — в нем — вслух спорить... Скажете, сумасшедший? А может, своей жизни Мастер?

5. Наша культура сначала была взорвана изнутри этим романом, потом читала его «под полой», потом — под лупой, рассматривая его, как жука в коллекции, до словечка, до штришка, потом всячески пыталась оболгать и растоптать, потом ему снимали фильмы, ставили его, как раньше говорили, «на театре», потом... А потом наступило сейчас. И вот сейчас, в наше время, когда возродилась если не идеология, то идея старой России, когда вернули на штандарты двуглавого орла, которого революционные солдаты сбивали прикладами наземь с дверей, крыш и фронтонов зданий, когда воскресают из пепла храмы и наново строятся монастыри — «Мастер...» опять становится такой тщательно спрятанной интеллектуальной «взрывчаткой»: как можно было написать Иисуса — ТАК?! как можно было написать Пилата — ТАК?! и, в конце концов, разве ТАК можно было изобразить — сатану?! Нам сейчас (а то и во все времена...) надо, чтобы Бога — с почтением, с любовью, высоко и недосягаемо! чтобы сатану — отвратительно, гадко, в порошок растереть! чтобы Пилата — да, только как палача показать: «Я умываю руки», — и никак иначе! А тут что?! А тут — все неправильно!

...Вот не могут, часто никак не могут понять люди церковные, порою даже очень умные, тяжесть сана носящие, или воцерковленные и глубоко верующие: художество, художественное произведение, искусство — это не икона, не храмовая фреска, не богословский трактат. Искусство — это искусство. И Булгаков, да, прошел внутри своего искусства по такому лезвию ножа, по какому никто до него никогда не проходил и не пройдет, может, и в будущем.

Художество — вне религиозных рассуждений и конфессиональных постулатов. На то оно и искусство. Да, здесь есть опасность, в творчестве такого рода: чем ближе ты подходишь к сакральным материям — к божественным, к сатанинским — тем вероятнее они могут на тебе отыграться. Если от церкви отлучили Льва Толстого, чьи произведения внутри русской литературы — поистине Божья мощь и сила, о чем же говорить при произнесении имени Михаила Булгакова? Есть ряд священников, которые серьезно рассуждают о том, что душа Льва Толстого по смерти попала прямо в лапы бесов, и, думаю, есть такой же стройный ряд и иереев, и прихожан, что произносят Булгакову анафему.

Очень опасную вещь написал Булгаков — именно для церкви. Ибо церковь есть канон. Ибо поперек молитвы, канона, поперек Псалтыри, Писания, отцов Церкви пойти — пусть даже в секулярном пространстве, в искусстве — значит предать ее. А предать Церковь — значит предать Бога.

Поэтому за «Мастера...» еще будут бороться и его будут ниспровергать. Будут доказывать высоту его художества и обличать его «безнравственность» и «сатанинскость». Доколе жив Бог внутри цивилизации и культуры — до тех пор будет Булгаков то другом, то врагом.

А разве это не идет на пользу произведению? Его читают, знают, ищут, о нем спорят...

6. Я видела только один фильм — Владимира Бортко, десять серий. Сейчас хочу посмотреть фильм 1994 года — знаю, он долго лежал под спудом. Есть и еще экранизации, в том числе и польская; просто до всего руки не доходят. Но фильм Юрия Кары посмотрю несомненно. Сериал Бортко остался в памяти — сочетанием быта и бытия. Это, кстати, главное в стилистике романа. Вся вертикаль — от высоты Распятия до тогдашних московских низов. От роскоши угощения Воланда — до нищеты подворотни и ночлежки. Бал у сатаны — отдельная тема для разговора. Он опять по-театральному сногшибательно эффектен, и он провоцирует режиссеров на эффект «мрачной мистики» — так уж написан этот фрагмент.

Режиссерам с Булгаковым, думаю, легко. Им — с ним — повезло. И гениальное «Собачье сердце» с незабвенным Евгением Евстигнеевым, и «Роковые яйца» с их неподдельным (таким лакомым для кино!) ужасом, и «Белая гвардия» с ее трагическим очарованием гибнущей, уходящей России, и тем более «Мастер...», который весь есть не что иное, как огромный тайный сценарий, — так и просятся в кадр, так и запоминаются — яркой, ярчайшей раскадровкой, неповторимыми мизансценами. Ну что говорить — Мастер знал и любил театр. И всячески пользовался в прозе — притом свободно, артистично — его технологиями. Драматургия, жест, наглядный контраст, пластика — все это проза Булгакова.

7. Михаил Афанасьевич неповторим. Он не создал школы, как Рембрандт ван Рейн, Перуджино или Роден. Он работал один и ушел один. Он не создал традицию — ему, честно, было не до нее. «Альтист Данилов» Владимира Орлова? «Сто лет одиночества» Маркеса? «Медведки» Марии Галиной? Но это все ДРУГИЕ вещи. Не раз я слышала, как «Мастера...», да и другую прозу Булгакова, называют первой русской фантастикой. Но тогда и Гоголь — мистика и фантастика. И Одоевский — мистика и фантастика. «Булгаков для бедных» — это, наверное, вся дешевая мистика-фантастика, что полилась, как клюквенный сок, с прилавков в конце 1990-х — начале 2000-х. И, кажется, слава богу, уже пролилась эта крашенная под кровь водичка. Никого и никогда не повторить. Пусть Булгаков будет и останется один. Тот, кто задумает пройти его путем, сильно рискует: его обвинят в исторической репризе, в наглом сатанизме, в дешевой игре на публику.

Впрочем, именно в этом обвиняли и обвиняют и самого Мастера.

А он все так же говорит — с пожелтевших, несгоревших, воскрешенных страниц его рукописи:

«Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! <...> Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! <...> Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоим! Так поражает молния, так поражает финский нож...»

Александр Мелихов, писатель (Санкт-Петербург)

1. Конечно. «Белая гвардия», «Бег», «Мастер и Маргарита», «Театральный роман» давно там утвердились.

2. Урок грустный: если литература нужна обществу, оно непременно одних прикармливает, других задвигает, и еще хорошо, если в места не самые отдаленные. Но в любом случае оно подвергает писателей политической утилизации. Если же литература политически не востребована, то писатель превращается в маргинальное существо. Нужно это понимать и быть готовым выдержать сто лет одиночества.

3. Булгаковской прозе и драматургии это пошло на пользу: писатель немислим без легенды, а здесь готовая мелодрама с хорошим концом: преследования, забвение, посмертная победа — все, что надо для хорошей сказки.

4. Тургенев, кажется, сказал, что если книга имеет успех у знатоков и у толпы, то по противоположным причинам. Разумеется, толпе нужно что-то банальное, и она его нашла. Разуверившийся в Боге мир упивается сказкой, в которой на помощь беспомощному Добру приходит обольстительное Зло: затравленного писателя освобождает из сумасшедшего дома и дарует ему вечный покой в тихом прелестном уголке с верной подругой не добрый ангел, а сам дьявол собственной персоной.

Его свита, изображенная с редкой выдумкой и яркостью, превратилась в героев отдельной субкультуры. Литературный мир Москвы написан в манере блистательного фельетона, но надо при этом заметить, что Булгаков, сводя счеты, не запялтал кровью руки любимых героев — уничтожен лишь умник, глумившийся над Христом.

Если взглядеться в массовое бытование романа, можно обнаружить, что молодежь он используется больше для прикола — есть и такой способ утилизации. Но имеется в романе и отличная основа для мелодрамы — сериал уже есть, теперь появился и мюзикл. Культ сценичности — вот отчего метафизические, то есть внеисторические, силы у Булгакова обретают сугубо конкретный средневековый реквизит, — плащи, шпаги, кони...

Жаль только, что в этом зрелище гром и блеск заслонили трагедию бесконечной усталости. Каждый писатель грезит о жизни после смерти, но какую жизнь после смерти Булгаков вымечтал для своего Мастера? Вечное наслаждение тишиной, приятные вечера с интересными людьми, которые не встревожат хозяина... Да разве мыслимо, чтобы что-то интересное не причиняло беспокойства? Жизнь без тревог — это жизнь и без радостей. Грезить о такой жизни не как о временном отдыхе, а как о нескончаемом блаженстве может лишь бесконечно уставший человек. Кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе бесконечный груз...

К счастью для них и к несчастью для искусства, среди почитателей Булгакова уставших очень немного.

5. Булгаков рисует Иешуа всего лишь наивным и проницательным проповедником, из которого ученики сотворили Божьего сына. Для истинно верующего это снижение метафизики до легенды, вероятно, кощунственно, но для многих советских читателей, предельно далеких от религии, такая трактовка была потрясением, не принизив, но приблизив христианство к их атеистическим душам.

6. Они педалируют зрелищную сторону и делают это недурно. А что поэзия при этом улетучивается — так на то оно и массовое искусство.

7. Мне кажется, романтики круга, скажем, Одоевского вполне годятся в предшественники Булгакова. И притом не для таких уж и бедных. Да и звезды наших 20-х — Олеша, Катаев, дай им волю, тоже развернулись бы во что-то фатазмагорическое.

Ольга Новикова, писатель (Москва)

1. Я люблю Булгакова. До сих пор помню запах журнала «Москва», в котором читала «Мастера и Маргариту». Этот роман я бы поставила на золотую полку, а на моей книжной полке стоит весь Булгаков.

2. У Булгакова были обычные отношения с миром (писательским, театральным, властным...) — такие же сложные, какие всегда складываются у большого таланта. Конечно, это поучительно.

3. Запрет помог произведениям Булгакова появиться в нужный момент, когда на них были направлены лучи читательского внимания. Может быть, у шедевра есть оптимальное время для его появления. В этом — своеобразная драматургия литературной истории.

4. Рейтинги — это категория рынка. Рынок подсказывает, но не диктует систему ценностей.

6. Чем больше экранизаций, тем полезнее для книги. Если вы чем-то недовольны, то придите домой из кинозала и откройте книгу — там все на месте, ничего не искажено.

7. «Булгаковым для бедных» назвал роман Владимира Орлова «Альтист Данилов» главный редактор «Литературной газеты» А. Чаковский. Я бы говорила о подражании

Булгакову, которое до сих пор просматривается в журнальном самотеке, а также и в изданных книгах.

Сергей Носов, писатель (Санкт-Петербург)

1. В свое время я специально записался в читальный зал студенческой библиотеки на Краснопутиловской — ради «Мастера и Маргариты». Мне давали замусолненный номер журнала «Москва» (один из двух с романом и никогда оба сразу) и просили занимать ближайший стол, находящийся в поле видимости библиотекаря. Позже я потратил почти треть зарплаты молодого инженера, чтобы приобрести в собственность на черном книжном рынке в Ульяновке, далеко в поле за газовой трубой, булгаковские «Романы» (1973 год издания и тираж, между прочим, 30 000). Так что полка, на которой стояла эта книга, была поистине золотой. Но все это — увлечения молодости. Переболев Булгаковым, я уже скоро стал дышать в его сторону достаточно ровно. А ровнее всего — в сторону «Мастера и Маргариты». Сейчас бы на условную «золотую полку» я поставил «Белую гвардию» и лучшие булгаковские пьесы — «Бег», «Дни Турбиных».

2. Да, из жизни Булгакова можно извлечь определенные уроки. Ну, скажем, весьма поучительны (дурацкое слово) его письма Сталину, личная ставка на «Батум» и много еще чего... Ответить более развернуто я сейчас не сумею, иначе придется закопаться в бесконечных пояснениях и оговорках. Слишком большая, тяжелая и вместе с тем деликатная тема.

3. С позиций высшей справедливости (когда бы она существовала) было бы, конечно, правильнее, если бы Булгаков дожил до глубокой старости и увидел уже в новых исторических условиях все свои произведения изданными. Несправедливость, опять же, высшего порядка не в том, что «Мастера и Маргариту» не издали, когда роман был написан, а в том, что Булгаков рано ушел из жизни. Роман как раз был издан как нельзя вовремя — тогда, когда и ждали от литературы чего-то такого: свежего, свободного, раскрепощенного. Это был исключительно своевременный роман, воспринятый как событие текущего времени. У меня большие сомнения, что будь он издан (по какому-нибудь фантастическому стечению обстоятельств) в 30-е годы, его бы прочитали, поняли и оценили. Он бы мог заслониться «Золотым теленком», мог бы остаться в ряду периферийных произведений вроде «Дороги никуда» Александра Грина, мог бы запросто быть воспринятым как творческая неудача амбициозного автора, читатели романа могли бы не захотеть в нем узнать себя и могли бы в самом деле услышать в нем «сумбур вместо музыки». Можно предположить, что его просто бы «замолчали», как выставку Филонова в Русском музее. Роман Булгакова не то чтобы опережал свое время, он с ним категорически не совпадал. И в этом смысле ему, как это ни парадоксально, исключительно «повезло»: он был воспринят как откровение, — но это случилось только тогда, когда и могло случиться.

4. Роман «Мастер и Маргарита» в известной степени переоценен — подобно любому другому объекту, из которого сделали фетиш. Но и недооценен по той же причине. В массовом сознании культ «Мастера и Маргариты» обернулся тем, что к роману стали относиться как, что ли, к попсе. Возможно, иногда полезно отвлекаться от культурных книг — чтобы вернуть свежесть их же восприятия.

5. Булгаков не вероучитель, он писатель. «Мастер и Маргарита» — не священный текст. Роман и не претендует на то, чтобы казаться священным текстом (как, скажем, «Книга Мормона»), это художественная литература. Ни больше ни меньше. Ясно, что романский проповедник, да еще представленный во вставной истории, это сугубо литературный герой, принципиально далекий от евангельского Спасителя.

Говорить об отношении к нему Булгакова можно в той же мере, как об отношении, допустим, Толстого к Пьеру Безухову. Роман, что бы в нем ни происходило, это всегда роман, это самодостаточная данность, в которой можно до бесконечности находить свои «за» и «против». Но вопросы веры тут ни при чем.

6. «Бег» Алова и Наумова, по давнему моему впечатлению, очень хороший фильм и уж во всяком случае — незабываемый. «Собачье сердце» Бортко... Можно было бы отметить мрачную кинодраму «Морфий», но все-таки там больше Балабанова, чем Булгакова (что, впрочем, не вредит фильму). Многие произведения Булгакова сами просятся на экран — тут очень важно найти свою интонацию, отвечающую мелодике булгаковской прозы. Но этого катастрофически мало для «Мастера и Маргариты». Мне кажется, этот роман фатально противопоказан экрану, да и сцена тоже, пожалуй. Роман слишком своеобразен, чтобы от режиссера, рабски подчиняющего себя исходному тексту, ждать чего-нибудь на экране этому тексту конгениального. Рабски зависеть от оригинала — это не по-булгаковски. Сам Булгаков с великими сюжетами обходился крайне смело (вспомним хотя бы сценарий «Похождения Чичикова, или Мертвые души», вспомним, опять же, библейскую линию в романе о Мастере). Рискну быть непонятым, но мне кажется, этот роман, при прочих необходимых условиях, могла бы уберечь на экране от тусклой иллюстративности режиссерская дерзость, конгениальная дерзости самого Булгакова — смелого интерпретатора иных текстов. Но публика любит, чтобы все было «как в книге». Такого она не простит.

7. Не совсем понятно, что такое булгаковская традиция. И возможна ли она вообще. После публикации «Мастера и Маргариты» началась мода на всякого рода инфернальности и мистику, но вряд ли это можно назвать традицией. Есть ощущение, что Булгаков как раз закрывает традицию — по крайней мере, одну из ветвей, условно говоря, гоголевской традиции. Любое следование Булгакову сегодня чревато эпигонством.

Валерий Попов, писатель (Санкт-Петербург)

1. Конечно, интересен. Это было самое сильное впечатление жизни — появление в 60-х годах прежде запрещенной русской литературы: Олеша, Бабель, Платонов — и Булгаков. Поскольку на золотой полке тесно от гениальной прозы, я бы поставил из Булгакова «Собачье сердце» и «Мастера и Маргариту».

2. Я с упоением пишу происходящие вокруг нас события — например, совершенно удивительный Культурный форум, происшедший недавно в Петербурге. Булгаков бы обзавидовался!

3. Предыдущим поколениям, конечно, не повезло. Зато нам сказочно повезло! Это был гром среди ясного неба. А точнее — радуга!

4. Как типичный герой Булгакова, отношусь к феномену булгаковской славы с лютой завистью. Да — кроме качества прозы, есть еще фарт. А в романе, конечно, и фельетонность, и поверхностное переложение Библии, и излишне пафосный образ самого Мастера. Но — победителей не судят. «Мастер...» появился так вовремя, когда все страстно жаждали чего-то такого, и восторг был у всех! И, конечно, достоинств больше, и восторг заслужен!.. а нам остается лишь брюзжать о таких-сяких недостатках романа. И соображать: а ведь недостатки, пожалуй, читателю милей, чем занудное совершенство.

5. Конечно, сильнее у Булгакова дьявольская стихия. Дьявол и умнее, и обаятельней, и, я бы сказал, человечнее. Впрочем — это явление всеобщее: грешники (тот же Бендер), как-то родней.

6. Экранизация, сделанная режиссером Бортко, мне кажется очень удачной.

7. Так называли роман Орлова «Альтист Данилов», который тоже был широко любим. Я, например, больше всего люблю книги с «легкой чертовщиной» — впрочем, эта прелесть даже не от Булгакова у нас, а еще от Гоголя.

**Вячеслав Рыбаков, писатель,
доктор исторических наук (Санкт-Петербург)**

1. Интересен. Но не очень важен. Булгаков, конечно, сильный и талантливый писатель, один из считанных. И все же не оставляет ощущение некоторой его поверхностности. В молодости я зачитывался его пьесами, хохотал на «Зойкиной квартире» и «Багровом острове», на втором курсе даже перепечатывал с самиздатовского источника «Собачье сердце» и щедро делился с однокурсниками. Понятие золотой полки для меня умерло лет десять назад. Но если пытаться ранжировать задним числом, то ближе всех к такой полке находится из Булгакова, на мой взгляд, «Белая гвардия».

2. «А из зала мне кричат: „Давай подробности!“» А я этого не люблю. Ни подробностей не люблю, ни, в особенности, тех, кто до них охоч. Одни полагают, что под Воландом имеется в виду Сталин, другие — что американский посол, произведший на Булгакова ошеломляющее впечатление на каком-то приеме... Какие там уроки?

3. Конечно, их запоздалая публикация сыграла на подъем их авторитета. Они увидели свет уже в ту пору, когда из пострадавших интеллигентов сталинской эпохи вовсю начали кроить новые жития святых. Кто — не видя настоящих святых, кто — в пику настоящим святым. И в полной мере сыграли на этот новый миф сами, в свою очередь, став его существенным элементом.

4. С самого первого прочтения в журнале «Москва» и до последнего пере-чтения лет семь назад не понимал восторгов по поводу романа. Написано МАСТЕРОВИТО — без сомнения. Но мелко. То есть не вообще мелко — но мелко по отношению к масштабу восторгов. Мне не близка литература, которая пишется на психологической платформе «Сам себя не похвалишь — сидишь как оплеванный». Хотя, полагаю, для многих читателей и деятелей искусства именно эта позиция близка, как никакая иная. Отсюда и популярность. Теперь это уже просто бренд, один из тех, что пытаются натянуть на себя те, кто хочет, чтобы их поскорей заметили, а собственного к тому потенциала не имеет и знает это. Нечего сказать — скажи «Воланд». Никого не любишь — скажи: «Ах. Маргарита...» Двух слов связать не можешь — скажи: «Я — Мастер...»

5. В свое время мне казалось, что в условиях советского религиозного голода роман Булгакова оказался для нашей интеллигенции таким эрзац-евангелием. А при том, что он довольно далек от евангельских принципов — то со всеми вытекающими последствиями. Но теперь я думаю, что это тоже переоценка роли данного произведения в нашей культуре.

6. Басилашвили в роли Воланда завораживает.

7. Не берусь судить. Не литературовед.

**Татьяна Рыжкова,
кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)**

1. Для меня Булгаков и важен, и интересен. Мне трудно выбрать произведения для золотой полки, потому что хотелось бы оставить и три романа — «Белую гвардию», «Театральный роман», «Мастера и Маргариту», «Жизнь господина де Мольера», — повести «Собачье сердце» и «Роковые яйца», но и без рассказов тоже не хочу оставаться.

А пьесы? Если выбирать, то оставлю «Дни Турбиных», «Зойкину квартиру», «Бег», «Кабалу святош».

2. Мне кажется, что, с одной стороны, урок можно извлекать из всего, в том числе и из художественного произведения, но, с другой стороны, писатель редко возлагает на себя миссию кого-то чему-то научить. А тема «художника и власти» актуальна, увы, всегда, поэтому художнику, который «пишет так, как слышит и дышит» (перефразирую Окуджаву), от креста не уйти. Но это не столько уроки булгаковских сюжетов, сколько истории человечества, в том числе и отечественной. Булгаков в этом смысле отражает время: что Людовик, что современный деспот. Урока, в общем-то, и нет. Какой урок можно извлечь из «Кабалы святош»? Власть все равно тебя распнет? Да. Но это не урок, это факт. Урок дается в ответе, что делать в определенной ситуации. Вот Чернышевский дает такой урок. Но из искусства урок извлекать нужно самому, если есть такое желание. Кто-то решит, что нужно быть поближе к власти — и будет у тебя *dolce vita*, а кто-то решит, что и братья за перо не стоят, а кто-то пойдет за своим даром, зная, что его ждет, то есть сознательно. Литература не учит, а открывает возможности и последствия твоего собственного выбора. И в этом смысле Булгаков сегодня весьма актуален.

3. Об истории литературы судить не могу. Но опыт работы со старшеклассниками говорит вот о чем. Даже без знания исторических реалий его произведения вызывают у школьников сильный отклик. Главные смыслы улавливаются очень точно. Конечно, нюансы, детали, специфика отношений между персонажами нуждаются в комментариях. Но отсутствие знаний не искажает общей картины — просто она предстает несколько смазанной, размытой. Интерес школьников к сюжету как раз и позволяет вводить их в историческую эпоху. И надо сказать, что образ эпохи становится более конкретным именно после комментариев, вызванных желанием понять литературное произведение. И в памяти этот образ времени остается надолго, в отличие от результатов уроков истории.

Старшеклассники могут увидеть в произведениях Булгакова вневременные коллизии, видимо, это и вызывает такой интерес к его творчеству.

4. Я неоднократно слышала о том, что этот роман Булгакова нужно отнести к китчу. Но если разобраться в том, что такое китч, легко обнаружить, что никакой переоценки нет. Китч — явление массовой культуры, но при этом обладающее художественной ценностью (скажем, высшая ступень беллетристики). «Мастер...», безусловно, роман для всех. Это не элитарный роман — и слава богу! Но чтение этого романа поднимает читателя до серьезных философских размышлений. На этот роман можно посмотреть и как на одно из первых произведений постмодернизма — роман из книг всех времен и народов (мне кажется, что к этой мысли подводит Б. Гаспаров, раскрывая лейтмотивную структуру «Мастера...»). В романе много смысловых уровней — и до какого донырнет читатель, зависит от его кругозора, эрудиции, культуры. «Мастер...» — серьезное произведение, доступное при этом практически всем. Много ли такой литературы? Поэтому я не могу сказать, что «Мастер...» — переоцененный роман.

5. Вообще, об этом все сказал А. Зеркалов в книге «Евангелие от Михаила Булгакова». Кураев читает роман как религиозное произведение, а роман таковым не является! Это способ выражения мировоззрения писателя, а не религиозная проповедь. Именно поэтому Булгаков меняет привычные христианину имена героев, биография Га Ноцири не биография Иисуса и т. п. У писателя есть свой взгляд на мир — он его высказывает. Кураев читает плоско и скучно, как наивный реалист. Об этом даже говорить не хочется — скучно. И разве можно переубедить тех, кто не хочет

слышать голос автора, а ищет только отдельные детали, противоречащие истории христианства. Толстого вот тоже от церкви отлучили (и до сих пор Толстой для церкви — еретик). Булгаков пишет роман не о Христе, он пишет роман о человеке, о художнике, о власти, о любви. И герой Булгакова, мастер, пишет не религиозный трактат, а художественное произведение, которое не может претендовать на истину. Но чудо даже не в совпадении исторических и романских фактов, а в постижении Мастером человеческой природы и метафизики времени. Роман Мастера о том, что сделал человек с человеком (Пилат с Иешуа, Иуда с Иешуа) и как каждый оплатил предательский счет. Что сделал человек для человека и т. д.

6. С экранизациями все сложно.

«Собачье сердце». Если не читать повесть, не размышлять над нею, то фильм будет однозначно восприниматься как очень сильный. Но режиссер Бортко — читатель не очень хороший. Даже если признать и принять это как факт, что экранизация не может воплотить все лейтмотивы художественной первоосновы, а потому неизбежно профанирует первоисточник (это, кстати, хорошо понимал сам Булгаков, создавая либретто для Большого театра; и это делает Бортко в фильме), то фильм для меня именно как фильм не является шедевром кинематографа. Фильм держится на гениальных артистах (как и многие фильмы Бортко) — их игра не нуждается в какой бы то ни было комплиментарности. Претензии — к режиссеру. Он изъясил из повести ее главную композиционную особенность — оппозиции. У Булгакова в тексте множество оппозиций, на их игре, противоборстве, перетекаемости основывается и смысл повести. В ней однозначных персонажей. Бортко оставил только социальный конфликт, героев сделал плоскими и однозначными. Исчез тонкий булгаковский юмор — он в деталях, нюансах. Введение дополнительных сцен, которых нет у Булгакова, ничем не оправдано. Получился фильм с острой социальной критикой швондеровщины и шариковщины. Не более. Успех фильму, повторю, принесли актеры.

Два отечественных фильма по роману «Мастер и Маргарита». Фильм Бортко — это плохой фильм. И дело даже не в искажении деталей, а в смысле, уплощенном до... И здесь не спасают и актеры. Роли Мастера и Маргариты — роли провальные. В анкете не могу аргументировать и разбирать подробно. Но опять же главное, в отсутствии талантливого режиссера, который создает целое. А фильм — отдельные работы. К. Лавров играет сильно, но этот Пилат такой не булгаковский! Надо бы как-то тогда эту трактовку поддержать. В общем, актеры играют, как могут, а режиссер ставит камеру и фиксирует то, что они делают.

Фильм Ю. Кары, снятый намного раньше, но дошедший до зрителя позднее, оценивать можно только из времени его создания. И он для меня намного сильнее фильма Бортко. У Кары не было таких технических возможностей, как у Бортко, возможно, поэтому он был вынужден решать художественные задачи. Этот фильм требует отдельного серьезного разговора, но, на мой взгляд, это на сегодня лучшая работа по Булгакову.

Фильм по «Роковым яйцам» (не помню названия и режиссера. Янковский в главной роли) тоже неровный, но в нем хотя бы есть попытка соединить два плана — реальный и мистический, соединить тонко, а не в лоб, как это делает, если делает Бортко.

Можно отметить фильм-спектакль В. Басова «Дни Турбиных» — это серьезная, интересная работа. «Белую гвардию», не так давно вышедшую на телеэкраны, целиком не посмотрела, потому оценивать не берусь.

Понравилась экранизация «Морфия» — она вызывает сильные чувства.

О фильме Гайдая по пьесе Булгакова говорить не буду. Фильм замечательный, хотя от пьесы Булгакова в нем мало что осталось.

7. Я не могу ответить на этот вопрос. Разговор о традициях не прост, ведь традиция и подражание — разные вещи. Подражания есть: на ум приходит «Альтист Данилов». Про традиции не знаю. Меня вообще смущает термин «традиция» применительно к литературе. Смысл фразы «Булгаков для бедных» не понимаю.

**Алексей Семкин,
кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)**

1. Разумеется. Только нужно определить размеры этой полки. Если выбирать только одно произведение — это, скорее всего, «Собачье сердце».

2. Здесь два момента. Во-первых, это все сюжеты вечные, поэтому и уроки извлекать из них будут еще долго, до тех пор, пока существуют писатель, власть, театр. Уроки вообще можно извлекать из чего угодно, было бы желание.

Во-вторых, и это важнее, сама по себе история именно Булгакова достаточно своеобразна и неповторима. Вот, например, про отношения с властью (высшей). О том, до какой степени интересовал писателя феномен абсолютной власти, насколько завораживало его это явление, написано немало, а если бы и не было написано, достаточно нам было бы одного Воланда. С другой стороны, личность Булгакова, его способ существования в эпохе и одновременно вне ее, его гордость и самодостаточность (к Михаилу Афанасьевичу, мне кажется, очень приложимы пушкинские строки: «Самостоянье человека — залог величия его») — все это привлекало внимание к нему, в том числе пристальное внимание высшей власти, персонифицированной в одном человеке. Внимание совсем особенное, не такое, какое вызывали другие граждане страны — пешки в колоссальной шахматной партии.

Обоюдный интерес, острый и болезненный, обусловил возможность особенных отношений «писатель-власть», характер этих отношений делают всю историю абсолютно индивидуальной, как бы вылепленной только под эту персональную судьбу.

3. На восприятии творчества Булгакова этот факт никак не сказался, да и не мог сказаться, поскольку и сам писатель не был известен до этих публикаций в том качестве, в каком воспринимается сегодня, не занимал соответствующего места на литературной карте. Он пришел в нашу жизнь вместе со своими главными книгами. Что касается второй части вопроса — мы имеем историю русской литературы в том варианте, в каком она естественным образом складывалась. Можно представить, вообразить бесконечное множество других вариантов, вероятно, если бы «Белая гвардия» была полностью опубликована в 1920-е, а «Мастер и Маргарита» — в 1930-е, это отразилось бы на всей литературе 1920–1930-х... Но размышлять об этом и пытаться реконструировать эту параллельную реальность не представляется продуктивным. Как сказался на русской литературе факт гибели Лермонтова в возрасте неполных 27 лет?

4. Будем различать несколько разных вещей. Сам роман — безусловно, одна из важнейших книг XX века, созданных в России или на русском языке. Он в одном ряду с «Тихим Доном», «Темными аллеями», «Даром», «Василием Теркиным», «Доктором Живаго» — и по глубине проблематики, и по художественным достоинствам. Но кроме романа как такового, есть миф о романе и есть мода на роман. Сложившийся в сознании фанатиков миф позиционирует роман в качестве вместилища абсолютной истины, некоей сверхкниги, стоящей в одном ряду с Библией (или Торой, или Кораном), в которой содержатся ответы на все вопросы бытия. Мода на роман — феномен уже не психиатрический, а социологический, однако в чем-то явления эти очень схожи. Оба они опасны и оба очень раздражают. Именно в них

причина возникновения взгляда на роман Булгакова как на «самое переоцененное произведение русской литературы».

5. Объективно роман Булгакова — искушение и прелесть, поэтому читать его совсем юным людям, в школе — вряд ли правильно. С другой стороны, как это ни парадоксально, роль, которую сыграл роман в христианизации нашей интеллигенции, очень велика. Что же касается вопроса, поставленного о. Андреем, мне представляется, что роман Мастера (продиктованный Воландом) несомненно «против Христа», а роман Булгакова в целом, при всей искусственности, все же «за».

6. Не все можно в принципе экранизировать. «Собачье сердце», как оказалось, можно, и получилось очень хорошо. Что касается «Мастера и Маргариты» — я неплохо отношусь к работе Бортко, но только в ее «московской» части. Фильм Ю. Кары и «Роковые яйца» С. Ломкина — мне кажется, не очень удачны.

7. Была. Гоголь Николай Васильевич. В новое время многие пытались такую традицию создать («Альтист Данилов» Вл. Орлова, романы Дм. Липскерова и т. д.), но не слишком, на мой взгляд, удачно.

Роман Сенчин, писатель (Москва)

1. Михаил Булгаков один из тех авторов, что сопровождают меня по жизни лет с пятнадцати. Часто перечитываю почти все его вещи. «Мастер и Маргарита» — в числе двух (вместе с «Тихим Доном» Шолохова) сильнейших романов советского периода русской литературы. На личной золотой полке стоит пятитомник Булгакова 1989—1990 годов издания, довольно уже ветхий из-за частого перелистывания.

2. О Булгакове написаны десятки биографических книг, его недолгая жизнь изучена вроде бы по минутам. Но все равно в ней много неясного, неизвестного... Я лично не представляю жизнь людей, особенно той части интеллигенции, что не приняла революцию, в 1920—1930-е годы. Из биографии Булгакова, конечно, можно извлекать уроки, но... Но лучше не надо. Вообще каждая жизнь, каждая судьба уникальна.

3. Наверняка «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» не могли быть опубликованы в ту эпоху, в какую были написаны. Был бы я большевиком, я бы считал эти великие произведения враждебными, а автора — врагом. Чудо, что наследие Михаила Булгакова уцелело. Может быть, для его сверстников, доживших до 1960—1980-х, публикация его наследия была открытием, потрясением, хотя, кажется, многие читали булгаковские произведения в самиздате. По крайней мере, существование «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Мольера» не было тайной для интересующихся русской литературой. Но все же собранные воедино произведения Булгакова должны были произвести потрясающее впечатление. Впрочем, собраны они были как раз в конце 80-х.

4. Кто считает самым переоцененным?.. «Мастер и Маргарита» — одна из самых сильных и самых страшных книг русской литературы. Секрет романа в том, что он вызывает одновременно и чувство отчаяния, и прилив сил, желания жить, сопротивляться обстоятельствам. Недаром этот роман был и остается культовым, настольным для способных размышлять людей. В первую очередь — для молодежи.

5. В вопросах теологии, богословия я не силен, толкование дьякона Андрея Кураева не читал... Мне лично всегда становится очень жалко персонажей «романа Мастера». И Иешуа, и Понтия Пилата, и Левия Матвея, и даже Крысобоя, Иуду. Все они ощущают, что участвуют в великой драме, которая изменит не только их личную жизнь, но и историю цивилизации, но они не могут не исполнять свои роли, не могут не участвовать... То, что некоторые деятели называют «Мастера

и Маргариту» чуть ли не сатанинской книгой — чушь и шизофрения. Впрочем, гуманистической ее тоже не очень-то назовешь.

6. «Мастер и Маргарита», по моему мнению, одно из тех редких произведений, которые экранизировать, ставить на сцене невозможно. То есть — возможно, но это будут заведомые неудачи. Обе экранизации вроде бы старательные, с хорошей игрой талантливых актеров, но смотреть как-то неловко. Роман Булгакова можно только читать. Причем не в компании, не вслух, а наедине, при свете настольной лампы и задернутых шторами окна.

7. Ну, во-первых, Булгаков — продолжатель линии Гоголя. А во-вторых, его проза в русле прозы 20-х годов. У Булгакова много общего с Зощенко, Катаевым, Ильфом и Петровым, Олешей, Вагиновым, ранним Шолоховым, многими другими... Продолжил ли кто традицию Булгакова?.. Та проза, в том числе и проза Булгакова, стала невозможна в конце 30-х. Из тех, кто в наше время писал близко к Булгакову, по-моему, можно назвать Владимира Орлова.

Игорь Сухих, доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

1. Вряд ли буду оригинален: «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», «Дни Турбиных», «Бег». Кажется, это единственный в литературе XX века случай, когда проза и драматургия одного автора оказываются эстетически соизмеримы и попадают на эту полку. У современников Булгакова — Набокова, Платонова, автора метафоры «золотая полка» Юрия Олеши — этого не случилось. Их драматургия явно уступает повествовательным жанрам.

2. Конечно, урок. И не только для современных авторов, но для «простых» читателей и таких профессиональных читателей, как историки литературы. Меня удивляет уличающий, высокомерный взгляд на культурные сюжеты прошлого. Ах, в «Мастере...» Булгаков симпатизирует высшей власти! — А симпатичный Воланд — это Сталин! — А уж «Батум»... (Не говоря даже о биографически-конспирологических версиях.)

Не стоит выдавать историческое преимущество за собственную заслугу. Может, кто-то из нас сегодняшних в тех 20-х оказался бы почище Лавровича или Латунского! А выяснению отношений между братьями-писателями и челобитным нынешней власти могли бы позавидовать завистники и лизоблюды прежних лет.

«На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя» (И. В. Сталину, 30 мая 1931 года). Кто сегодня в таком духе, причем не из подворотни ЖЖ, а в жанре открытого письма, общается с вождями?

Булгаков, кажется, нигде не отступил от норм простой человеческой нравственности и до конца выполнил писательский долг. «Дописать раньше, чем умереть».

3. На восприятии его творчества скорее положительно. На фоне литературы конца 60–70-х годов «Мастер и Маргарита» казался голосом из какого-то другого измерения. А «Собачье сердце» с его Шариковым и Швондером, «Не читайте советских газет», «Разруха не в клозетах, а в головах» воспринималось как перестроечная прокламация (что сильно упрощает смысл повести).

Но именно поэтому Булгаков (как и Платонов, Набоков, другие авторы возвращенной литературы) ставит перед историками литературы трудноразрешимую задачу: необходимость вписать его творчество в две далеко друг от друга отстоящие исторические эпохи. Произведение объясняется историческим и культурным

контекстом 20–30-х, а его восприятие, критика, влияние — уже феномен 60-х и даже 80-х годов. Отчасти и поэтому хорошей истории русской литературы XX века пока не существует.

4-5. Для историка литературы важен не выбор, а симптом. Смотрите, для одних роман Булгакова — антихристианский, дьявольский и еще Бог знает какой, другие вспоминают, что их он привел к Богу. Великий библиотекарь Х.-Л. Борхес считал одним из свойств классики «бесконечное множество интерпретаций». С этой точки зрения «Мастер...» — бесспорная, причем живая, классика. Ведутся ли подобные запальчивые споры о произведениях назначенных классиков, булгаковские современники, скажем, романах К. Федина или «Пирамиде» Л. Леонова? Пишут ли о них критики и антикритики? Вот то-то и оно...

6. Наиболее отвечающими гротескной природе булгаковской поэтики мне кажется «Бег» (режиссеры А. Алов и В. Наумов, 1970), свободная вариация на булгаковские темы. Но важно, что по первому, а иногда уже и третьему кругу уже экранизированы разные булгаковские произведения: все романы (включая телеверсию А. Эфроса о Мольере), «Роковые яйца» и «Собачье сердце», «Записки юного врача» («Морфий» А. Балабанова). Число кино- и телеверсий, согласно киноведческой библиографии, уже приближается к двадцати. Булгаков и таким образом присутствует в современной культуре. Повторные обращения к той же «Белой гвардии» могут оказаться и более удачными.

Евгений Яблоков, доктор филологических наук (Москва)

1. Изучением творчества Булгакова занимаюсь около сорока лет; написал о нем несколько книг и работаю над очередной. Думаю, это многое объясняет.

Что касается «полки» — такого предмета мебели для читающего человека недостаточно: нужен «золотой шкаф» (или даже несколько). Ибо хороших писателей много и на «полку» их книги не поместятся.

2. Я не человек искусства, но думаю, что для самостоятельного художника нет ни примеров, ни «уроков» жизнеповедения. Люди все разные, обстоятельства повторяются только приблизительно, да и копировать гениев невозможно. Бесспорно, что «сложные отношения с властью» возникают у многих и многим приходится принимать соответствующие решения. Но зачем тут «делать жизнь» (В. Маяковский) с какого-то образца и мыслить себя в парадигме чужой судьбы — мол, вот Булгаков бы на моем месте... Да и почему надо выбирать образцом именно Булгакова — а не Пушкина, например? или Бунина? или Аввакума? или Баркова? или (извините за черный юмор) того же Маяковского?

Но есть другой аспект проблемы. Главный «урок» состоит в том, как эти коллизии биографии писателя подаются в современной нашей так называемой культуре. Стараюсь следить за всем, что касается Булгакова, и могу сказать, что его «сложные отношения с властью» сегодня интерпретируются примерно следующим образом: 1. Был креатурой Сталина. 2. Жрал-пил-творил на деньги НКВД. 3. Жена являлась агентессой той же организации. 4. Роман «Мастер и Маргарита» изготовлен персонально для Сталина — чтобы восхвалить вождя и гарантировать неприкосновенность автору.

При этом не высказывают никаких доказательств или хотя бы основательных аргументов. В лучшем случае глубокомысленно замечают, что, мол, в ту пору ведь все «стучали»... Или приводят сверхважные сведения от невестки (жены сына) Е. С. Булгаковой, некогда сообщившей, что у свекрови всегда были дорогие духи и она любила хорошо одеваться; отсюда делается вывод: ну, значит, явно «стучала»...

Если кто-то думает, что я фантазирую, — увы. Лет пятнадцать назад было модно выставлять Булгакова сатанистом; а теперь «новое время — новые песни»: один паскудный тренд сменился другим. Причем подобными вещами занимаются люди, производящие впечатление культурных; некоторые имеют реальные заслуги на булгаковедческой почве... Почему, зачем — вопрос сложный. Но в этом аспекте главный «урок» состоит в том, что хорошо бы вообще-то иметь совесть, шевелить мозгами и не нести что попало. Помните, как приказал булгаковский Хлудов: «Пирамидон принимать, если голова болит!»

3. Такая судьба была не у «многих», а у подавляющего большинства булгаковских произведений. Как мог сказаться на восприятии творчества Булгакова тот факт, что оно наконец открылось читателю? Попросту писатель «возник» как новая «культурная единица». Особенность в том, что при подобных ситуациях творческое наследие не формируется «линейно», как в нормальной истории литературы, когда автор пишет и публикует одно произведение за другим, а обрушивается лавиной: в 1960-х — начале 1970-х годов увидели свет (если не в СССР, так за рубежом) практически все основные булгаковские тексты. При этом самого писателя уже четверть века не было в живых.

Хочу напомнить что после Булгакова мы имели пример куда более масштабный: 30 лет назад пришла гигантская цунами так называемых «возвращенных» произведений — не только напечатанных ранее в тамиздате, но и вообще не публиковавшихся. Разговор о том, как все это повлияло и т. д., потребовал бы много времени и места. Если конкретно про Булгакова — думаю, его творчество до настоящего времени не отрфлексировано как следует, место этого автора в литературе не «определилось», и нашему коллективному сознанию (не говоря уж о бессознательном) не внятно, о чем он, собственно, писал. В основном Булгаков используется как повод для дешевых сенсаций.

А специально о современном литературоведении могу повторить то, что говорил уже неоднократно: в России (да и нигде) нет научных центров, изучающих творчество и биографию Булгакова; полностью отсутствует координация подобных исследований; не выходят основательные научные сборники, посвященные писателю; не проводятся серьезные научные мероприятия булгаковедческой тематики. В свое время обращался с письмами к директорам двух литературоведческих институтов РАН: ИМЛИ в Москве и ИРЛИ в Петербурге; предлагал создать научную Булгаковскую группу. Оба отказались. (Более развернутые суждения о месте писателя в нашей культуре можно прочитать вот тут: <http://eajablokov.ru/article7.html>)

4. Во-первых, данные рейтингов и опросов — это не «позиция», а некий факт (будем считать, что достоверный). Во-вторых, есть чисто логическое противоречие: степень популярности не подлежит оценке по каким-то «объективным» критериям и тем более не может быть искусственно скорректирована (запретите — получите обратный результат). Нельзя заставить ни любить, ни ненавидеть. Мода ли это или нечто другое, но если Булгакова читают — никто тут ничего не подделает, хоть расшибись. Что касается тезиса о «переоцененности» — это категория примитивного рыночного сознания. Те, кто на эту тему кричит (причем в буквальном смысле), обнаруживают лишь свою принадлежность к массовой культуре; для них история литературы — нечто вроде конкурса «Евровидение». К тому же явственно банальная зависть к Булгакову: слушаешь такого «орателя» — и как будто поэт Рюхин воплотился.

Впрочем, меня как литературоведа фактор популярности того или иного автора мало интересует: они для меня важны «сами по себе». Классика не зависит от нашего культурного уровня; это мы зависим от нее. Булгакову все равно, читают его

или нет. А вот мы — если хотим быть духовно адекватны своей великой литературе — должны по возможности понимать, чем своеобразен и ценен каждый из ее «участников». Но для этого надо прежде всего говорить серьезно и обоснованно, не подменяя аргументы трескучей саморекламой.

5. В период, когда роман «Мастер и Маргарита» был впервые опубликован, евангельский сюжет на фоне советской литературы выглядел более чем экзотично. Роман о Понтии Пилате (текст Мастера) для многих сыграл роль суррогатного Евангелия и, учитывая умение Булгакова рисовать любые события убедительно и «достоверно», произвел поистине завораживающее впечатление. Судя по всему, состояние завороченности доминирует по сю пору. Во всяком случае, наше общественное сознание никак не может воспринять и переварить очевидный вроде бы факт: текст Мастера концептуально противоречит каноническим Евангелиям — они фабульно «похожи», но повествуют о разном. Причем Булгаков честно предупреждает об этом в первой же главе «Мастера и Маргариты», где речь идет о поэме Ивана Бездомного: «Иисус у него получился, ну, совершенно живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисус». Я не имею в виду, что Иешуа в романе о Понтии Пилате тоже «отрицательный» — просто он «другой», нравится это кому-нибудь или нет.

Тут бы надо начать говорить о том, как я представляю себе суть романа «Мастер и Маргарита»; но это невозможно. Тех, кому интересно, отсылаю хотя бы к лекции на канале «Культура»: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/155526/video_id/155526/.

Что касается формулы «за или против» — напомним известную дневниковую запись А. П. Чехова начала 1897 года: «Между „есть бог“ и „нет бога“ лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец». Здесь, как правило, обрывают цитирование; между тем вторая часть записи интересна не меньше — а применительно к нашей теме, пожалуй, даже больше: «Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересуется его; и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало».

О чем тут речь? Как нередко у Чехова — о лени. Одна из ее форм — плебейский нахрап, пропагандистское упрощение; формула «за или против?» проистекает именно отсюда. И отсюда же — характерный для последнего времени общий стиль «массовых» суждений о Булгакове: торжествующая пошлость.

А конкретно о булгаковедческих штудиях А. В. Кураева я высказывался десять лет назад (<http://eajablokov.ru/rec1.html>), и мнение не изменилось. Разве что в ту пору бывший научный атеист занимался клерикальной пропагандой, а сейчас, кажется, дрейфует в обратном направлении.

6. Наверное, не скажу ничего оригинального: по «духу» близки к булгаковским текстам фильмы В. Басова «Дни Турбиных» (1976) и В. Бортко «Собачье сердце» (1988). Хороши некоторые актерские работы в картине А. Алова и В. Наумова «Бег» (1970), но фильм, по сути, не о том, о чем пьеса. А в основном экранизации (причем не только отечественные) производят впечатление малокультурности и вызывают эмоции в амплитуде от оторопи до отвращения. Один из таких фильмов разбирал довольно подробно: <http://eajablokov.ru/video1.html>.

7. Слово «традиция» не очень понятно. Эпигоны — были: скажем, В. Орлов с «Альтистом Даниловым». Были прямые подражатели — знаю, например, два продолжения романа «Мастер и Маргарита». Но можно также говорить о булгаковских мотивах и влияниях у «настоящих» писателей — например, у А. и Б. Стругацких.

Материалы Круглого стола подготовили И. Н. СУХИХ и А. М. МЕЛИХОВ